

В. П. ГРЕБЕНЮК

Святитель и князь.

К вопросу о роли митрополита Киприана и великого московского князя Василия Дмитриевича в событиях 1395 г.

События 1395 г., связанные с нашествием Тимура на русские земли и перенесением для защиты Москвы от могущественного завоевателя иконы Владимирской Богоматери, своеобразно отразили отношения митрополичьей и великокняжеской власти.

Как известно, московский великий князь Василий Дмитриевич продолжил политику своего отца Дмитрия Ивановича Донского, направленную на консолидацию русских земель вокруг Москвы. В этой деятельности он встретил полную поддержку митрополита Киприана, который в свою очередь также рассчитывал на поддержку московского князя в деле упрочения авторитета митрополичьей власти, в частности в борьбе со своеволием новгородского архиепископа Иоанна. Правда, этот союз московского князя и святителя, получившего в свое время титул «Киевского и всея Руси» против воли московского князя Дмитрия Ивановича, не был столь безоблачен. Между ними не было открытых ссор, какие бывали у митрополита Киприана с отцом Василия Дмитриевича, но своего рода соперничество и вмешательство в дела друг друга, связанные в первую очередь со стремлением утвердить свой первенствующий авторитет в русской земле, остались. Эти отношения проявились в целом ряде событий. Прежде всего московский великий князь вмешивался в дела, находившиеся в прямой компетенции митрополита. Еще при Дмитрии Ивановиче в московских соборах перестали помянуть при богослужении византийского императора. Такое отступление от традиционной формы вызвало немедленный отклик константинопольского патриарха, который в данном случае конечно был инспирирован Киприаном.¹

Для нас важно то обстоятельство, что митрополит Киприан сам не мог совладать с таким вмешательством в церковные дела великого князя и вынужден был прибегнуть к авторитету патриарха. Нужно отметить, что политика Василия Дмитриевича и его окружения была также направлена на то, чтобы всячески подчеркнуть значимость власти московской династии князей. Это проявилось, например, при создании высокого иконостаса Благовещенского собора, где в деисусном чине помимо обычного

¹ «Говорят, ты не позволяешь митрополиту помянуть божественное имя царя в диктихах и хочешь дела совершенно невозможного и говоришь мы имеем церковь а царя не имеем и знать не хотим Это нехорошо» (РИБ СІІБ, 1908 Т 6 ч 1 Приложение СІб 272)

деисуса помещены шесть икон с изображением святых, соименных московским великим князьям, начиная от князя Даниила Александровича и кончая заказчиком иконостаса — князем Василием Дмитриевичем.²

Об этом свидетельствует и саккос митрополита Фотия (1409—1417), где, по краям сцены, изображающей сошествие Иисуса Христа в ад, помещены изображение императора Иоанна VIII Палеолога с женой Анной, дочерью Василия Дмитриевича, с одной стороны, а с другой стороны — изображения Василия Дмитриевича и его жены Софии Витовтовны.

Особенно ярко проявились отношения великого князя и митрополита в событиях 1395 г., которые подверглись соответствующей интерпретации в памятниках литературы. Весной 1395 г. Тимур в сражении у реки Сенгчи (горный Карабах) разбил золотоордынского хана Тохтамышша, разрушил его столицу Сарай-Берке, затем появился в пределах русских земель, взял Елец и стал на Дону с явным намерением двинуться в глубь русских земель. Стихотворные хроники, ведшиеся походными панегиристами Тимура, говорят не только о намерении взять Москву, но и утверждают, что Москва, была взята, и описывают богатые северные трофеи. Угроза, нависшая над Москвой, была очень серьезна. Не только хорошо наслышанный о силе и могуществе непобедимого Тимура, но и сам бывший свидетелем сражений Тимура с Тохтамышем, московский великий князь Василий Дмитриевич понимал всю опасность положения. Он собрал войско, двинулся навстречу Тимуру и стал на берегу Оки в ожидании врага. Во главе обороны города остался его дядя князь Владимир Андреевич. «Воеводам градным» было приказано укрепить городские стены и подготовиться к осаде. Митрополит Киприан прерывает свою поездку в Новгород, куда он направился вместе с патриаршими послами для увещевания новгородского владыки Иоанна. В отличие от 1382 г., когда митрополит бежал от Тохтамышша из осажденной Москвы в Тверь, теперь он принимает деятельное участие в подготовке Москвы к осаде. Заповедав пост, он молитвою и увещеванием укрепляет дух москвичей. В московских соборах звучат каноны патриарха Филофея против «иноплеменных», которые были переведены самим Киприаном. Тогда же было решено для спасения Москвы перенести чудотворную икону Владимирской Богоматери из старой столицы Владимира в Москву. В день встречи иконы в Москве 26 августа Тимур неожиданно, без объяснения причин своего решения, повернул войска в Орду. Москва посчитала, что эта бескровная победа над могущественным агарянином произошла благодаря заступничеству Богоматери ради «чудотворных иконы Ея». На месте встречи иконы был заложен Сретенский монастырь, а день 26 августа стал праздноваться в воспоминание этого события.

Естественно, и светская, и церковная власть попытались использовать бескровную победу над врагом для укрепления своего авторитета.

В связи с этим представляется убедительным предположение Г. К. Вагнера, который соотносит рельеф воина-змееборца из Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря с великим князем Василием Дмитриевичем. Рельеф изображает воина-змееборца, стоящего фронтально. В его правой руке копьё, которым он поражает извивающегося под ногами змея. В левой руке — сабля. На голове воина корона типа ребристой стеммы с четырехгранными шишечками-пирамидками по краям. Рельеф довольно убедительно датирован концом XIV в. Как отмечает Г. К. Вагнер, на саккосе Фотия

² Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970. С. 63.

Василий Дмитриевич изображен почти в такой же «короне», в какой представлен воин на андрониковском рельефе.

Г. К. Вагнер, предполагая, что на рельефе изображен великий князь Василий Дмитриевич, отмечает смелую политику князя по отношению к Орде: «Хотя сын Дмитрия Донского не стяжал воинских лавров своего отца, но его политика в отношении к Золотой Орде была очень смелой. Он первым из князей перестал ездить на поклон в Орду и не посылал туда ни своих детей, ни князей, ни бояр. В 1395 году Василий I выдержал противостояние страшному Темир-Аксаку, что уже могло создать вокруг него ореол Змееборца. Не отразилась ли эта тема в андрониковском рельефе? Мы придерживаемся этого мнения впредь до появления более убедительного».³

У нас есть дополнительное свидетельство в пользу такого предположения. В службе на «Сретение иконы Пресвятая Богородица Владимирская» Темир-Аксак называется змием: «О преславное чудо, иже Превечная Царица Богомати милостивным своим образом змия смири и своим рабом заступление явися».⁴ Великий князь Василий Дмитриевич оказался в центре повествования, посвященного чудесному спасению Москвы от нашествия Темир-Аксака заступничеством Богоматери ради «чудотворныя иконы Ея».

По тексту службы Богоматерь «милостивым своим образом», т. е. иконою Владимирской Богоматери, «смири змия» — Темир-Аксака. В рельефе это персонифицируется в фигуре воина-змееборца. В Повести, специально посвященной этому событию, произошедшее чудо — спасение Москвы — как церковная власть в лице митрополита Киприана, так и светская власть в лице великого князя Василия Дмитриевича пытаются интерпретировать со своей позиции, использовать для укрепления своего авторитета. До нас дошли две первоначальные основные редакции Повести, которые по их тенденциозности можно назвать Княжеской и Митрополичьей. Время создания Повести относится нами к 1402—1408 гг.⁵

Митрополичья редакция представлена только в летописных списках, которые в конечном счете восходят к тексту Троицкой летописи. Наиболее полно передает текст этой редакции, как нам представляется, Московский свод конца XV в. Текст княжеской редакции дошел в более чем 200 списках в составе рукописных сборников и летописей.

Повесть имеет прямые заимствования из текста «Молитвы к Пречистой Владычице Богородице» Ефрема Сирина, который иногда приписывают Филофею. В княжеской редакции по сравнению с митрополичьей редакцией заимствования из текста Молитвы вторичны.

³ Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие классического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М., 1980. С. 186—187. Отметим одну фактическую неточность в цитируемом тексте: Василий Дмитриевич неоднократно бывал в Золотой Орде и даже был свидетелем сражения Тохтамыша с Темир-Аксаком в 1391 г.

⁴ ФИРИ РАН (СПб.), собр. Н. П. Лихачева, № 24, л. 167.

⁵ По вопросу о времени создания «Повести о Темир-Аксаке» существуют разные точки зрения. Ряд историков (см. об этом Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб. 1994. С. 52—54) относит создание Повести ко второй половине или последней трети XV в. Рамки статьи не позволяют вступать в полемику и останавливаться на этой важной проблеме. Заметим только, что, на наш взгляд, нельзя игнорировать прямые указания текста Повести, отмеченные еще А. А. Шахматовым, о том, что автор ее был современником описываемых событий.

Молитва к Богородице

«Избави, Владычице, молитвами си изрядиѣ возлежущее Ти сие стадо и всѣхъ градъ и страну от глада, губительства, труса, потопа, от меча, нашествия иноплеменикъ и междоусобныхъ брани и всѣхъ гнѣвъ, иже на нас движущияся.»⁶

Митрополичья ред

«Нихтоже нас может избавити от нужда сея и печали, развѣ Владычици наша Богородици и Приснодѣвы Мариа, Та бо приложитъ печаль нашу на радость, Та бо есть Заступница наша и града нашего, и всякого града и страны, и всего рода человеческого, идѣже с верою призываютъ Ея на помощь Сия бо избавляетъ вся христианы от глада и от пагубы, от труса и потопа, от огня и меча, и от нахождения поганыхъ, и от нападения иноплеменикъ, и от нашествия ратныхъ, и от междоусобныхъ рати, и от напрасныя смерти, и от всякого зла, находящегося на нас»⁷

Княжеская ред

«Хощу послати во градъ Владимиръ по икону Пречистыя Владычица наша Богородица; Та можетъ преложити печаль нашу въ радость, можетъ заступити нас и градъ нашъ Москву от нахождения иноплемениныхъ, от нападения вражия, от нашествия ратныхъ, от междоусобныхъ рати и кровопролития всякого, и от мирския печали, от напрасныя смерти, от всякого зла, находящая на ны»⁸.

В Повести Темир-Аксака предстает как гонитель и мучитель христиан, что, конечно, не соответствует истине. Если рассмотреть перечень завоеванных Тимуром стран, приведенный в Повести, то видно, что христианские страны занимают здесь далеко не первое место. Чтобы усилить впечатление о масштабах завоеваний Тимура, а следовательно, о его потенциальной угрозе, автор приводит не только современные для него географические обозначения завоеванных мест, но и исторические. В качестве аналогии Темир-Аксаку выступают первые гонители христиан — римские императоры Юлиан, Диоклетиан, Максимиан, Деций, Лициний. Эти аналогии подсказаны автору, скорее всего, проложной статьей под 26 августа об Андриане и Наталье, где описываются гонения, которым подвергали христиан императоры-язычники. В такой тревожной обстановке, навеянной слухами и грозными вестями о намерениях Темур-Аксака идти на Москву, митрополит Киприан «заповедал поститься и молиться и молебны пѣти». Великий князь, митрополит и другие князья решают для защиты от Темир-Аксака перенести чудотворную икону Богоматери из Владимира в Москву. Посланные в «славный и стольный» град Владимир повелели совершить молебен перед иконой Владимирской Богоматери. На проводы иконы, как отмечает Повесть, вышел весь Владимир от мала до велика, ее проводили далеко за город, не имея сил расстаться со своей святыней. В Москву икону встречал митрополит Киприан, духовенство, князья, бояре и «все множество бесчисленное народа христианска», встречали ее «далече за градом на поле». Автор рисует картину всеобщего единения народа. Это достигается путем исчерпывающего перечисления категорий встречающих, синонимической полнотой, «всякъ возрастъ мужеска полу и женска». Уход Темир-Аксака объясняется тем, что в момент общей молитвы к Богоматери во время встречи Ее иконы его обуял страх и трепет, «мнѣти ему яко нѣкому многу вѣиству грядущу на ны от руския земли», и он возвратился в Орду. Престарелый митрополит Киприан выступает с поучением к 24-летнему великому князю: «Не подобаше, о сыну, забвенъ быти толщѣй Божьей милости и помощи святыя Богородици и заступлению на роде чловѣчествѣмъ, да не останеть без праздника бывшее сие преславное чюдо Богоматери пред

⁶ Сырку П. А. Из истории исправления книг в Болгарии в XV в. Т. 1. Литургические труды патрарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. 89—90.

⁷ ПСРЛ. М., Л., 1949. Т. 25. С. 233 (Московский свод конца XV в.)

⁸ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 126 (Софийская II летопись)

очима нашими». Подчеркивается, что церковь, сооруженную на месте встречи иконы, освящал сам митрополит, и была она украшена иконами и книгами.

Повесть, где центральное место занимал митрополит, который наставлял, успокаивал москвичей перед лицом опасности нашествия Темир-Аксака, который сам много потрудился, переводя молитвы и каноны патриарха Филофея, и, наконец, выступал наставником и учителем великого князя, не могла удовлетворить великого князя и его советников, может быть, тех самых юных бояр, о которых с укоризной пишет автор «Сказания о нашествии Едигея». Великий князь отводил себе другую роль в событиях 1395 г.

«Повесть о Темир-Аксаке» в Митрополичьей редакции, где на первом плане был митрополит Киприан, основательно переделывается — в центр повествования ставится великий князь Василий Дмитриевич. Это проявляется в ряде принципиальных моментов:

1) Для переделки Повести привлекается «Повесть о нашествии царя Хоздроя на Царьград», в привлеченных отрывках место патриарха Сергия, который обращался к Богу и Богоматери с молитвой о спасении Царьграда и обходил с иконой Богоматери стены города, занял великий московский князь;

2) Вместо оценочных эпитетов, данных Темир-Аксаку (окаянный, безбожный), приводится его развернутая легендарная биография, история его возвышения и захвата власти. Биография строится как антитеза княжескому житию;

3) В начале Повести, где сообщается, что события происходят «во дни княжения благоверного и христалюбиваго великаго князя Василья Дмитриевича», московский князь назван самодержцем, его род возводится к самодержцу Иоанну Даниловичу;

4) Великий князь называется господином по отношению к митрополиту, а не сыном, он повелевает не только воеводам укрепить осаду, но и митрополиту Киприану перенести икону Владимирской Богоматери в Москву;

5) Темир-Аксак сравнивается не с римскими императорами, гонителями христиан, которые, конечно, воспринимались как книжно-легендарные злодеи давно минувших времен, а с ханом Батыем, горькая память о злодеяниях которого передавалась из поколения в поколение российских людей. Сравнение несомненно емкое и исторически оправданное;

6) В Княжеской редакции упоминается новый факт о пленении «царя Крещия» — турецкого султана Баязида Молниеносного, угрозы европейцев и Византии, которого Тимур разбил в 1402 г. при Ангоре. Сообщается о том, что Тимур-Аксак возил Крещия в железной клетке, «того ради, да еще бы видѣли многи земли таковую силу и славу безбожнаго врага и гонителя»;

7) Во вступлении, рассматривая хронологию событий, автор подчеркивает, что нашествие Темир-Аксака произошло «в третьенадесять лѣто по татарщинѣ, по московском взятии», т. е. взятие в 1382 г. Тохтамышем Москвы рассматривается как горькая вежа: через два года после Куликовой победы Москва вновь попала под «татарщину»;

8) Уточняется время стояния Темир-Аксака — не две недели, как было сказано в Митрополичьей редакции, а 15 дней;

9) Автор Княжеской редакции был современником описываемых событий, что он указал в следующих фразах, на которые в свое время обратил внимание А. А. Шахматов: «Мы же встяхомъ и прости быхомъ, онъ же заиде и изчезе, мы же ожихомъ и цѣлени быхомъ»;⁹

⁹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV—XV веков // ЖМНП 1901 Ноябрь. С. 62

10) В Княжеской редакции появляется упоминание о святителе Петре как о «заступнике» и «молебнике» града Москвы;

11) В Княжеской редакции впервые появляется аналогия избавления Москвы от нашествия Темир-Аксака и спасения Иерусалима от нашествия Сеннахирима, когда город был спасен молитвою к Богу библейского царя Иезекииля и пророка Исаяи. Эта библейская аналогия, вероятнее всего, была подсказана автору уже упоминавшимся нами каноном «К Господу нашему Иисусу Христу и къ Пречистый Его Матери на поганья».

Княжеская редакция «Повести о Темир-Аксаке» не является единственной, где проводится идея преемственности власти московского великого князя. Подчеркивая общерусское значение Москвы, которая находится под покровом Богоматери, автор заостряет внимание на самом факте признания бывшей столицей Русской земли Владимиром ее новой столицы — Москвы. Стремление выдвинуть Москву и московского великого князя на главенствующую роль в русской земле было для XV в. актуальным. Далеко не случайно «Повесть о Темир-Аксаке» не была включена в новгородские летописи, в Рогожский летописец, Симеоновскую летопись. По вопросам государственного устройства в начале XV в. единства не было, в литературе утверждались разные точки зрения.

В «Повести о нашествии Едигея» единство Руси представлялось как союз русских княжеств под главенством великого князя Владимирского, получающего этот титул независимо от ханского пожалования, в силу принадлежащей ему чести. Свои представления о власти автор укрепляет ссылками на «летописца киевского», и в качестве примера приводятся первые наши «властодръжцы» (киевские князья). В Повести князь призывает внимать советам старцев: «властодержецъ наших дозрящих сих, таковым вещам да внимають, юнии старцев да почитають и сами едини без искуснейших старцев всякого земельскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старчество». Этот идеал политического устройства, выраженный представителем кругов старого боярства, был чужд автору Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» с его представлениями о князе-самодержце, самочинно решающем дела. Он принимает решение перенести икону Богоматери из Владимира в Москву, не посоветовавшись «со князи и бояре свои», а только приглашает их для того, чтобы сообщить о принятом решении. Изменение ситуации в первой половине XVI в. привело к тому, что в Никоновской редакции «Повести о Темир-Аксаке» роли великого князя и митрополита кардинально переменились: великий князь только сообщает «свой помысл», что хорошо бы послать во Владимир по икону Богоматери. А «великий же началник и пастырь пресвященный Киприан <...> заповеда людем пост и покаяние <...> и посла въ Володимерь по икону Пречистыя Богородици».¹⁰ В «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» решение перенести икону Богоматери приходит «Божим промыслом» одновременно князю и митрополиту. Произошедшее чудо — спасение Москвы от нашествия Темир-Аксака как церковная, так и светская власть на протяжении почти двух веков пытались использовать для укрепления своего авторитета. В Митрополичьей редакции «Повести о Темир-Аксаке» Темир-Аксак прежде всего сравнивается с языческими императорами — гонителями христиан. Его задача воспринимается однозначно — искоренить христианство. Митрополит Киприан, наказующий народу принять пост и покаяние, выступает здесь прежде всего как духовный руководитель. Решение перенести икону Владимирской Богоматери в Москву принимает великий князь Василий Дмитриевич вместе с Киприаном и другими князьями. Далее опять в центре пове-

¹⁰ ПСРЛ СПб, 1897 т. 11 с. 159

ствования Киприан — он встречает во главе всех московских христиан на Кучкове поле икону Владимирской Богоматери и, «благодарение въздавше», переносит икону в Успенский собор Московского Кремля.

Совсем иная картина предстает в Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке». В центре повествования князь, он повелевает митрополиту перенести в Москву икону Владимирской Богоматери, он обращается к Богу о заступничестве от имени всего русского народа. Князь Василий Дмитриевич в Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» называется господином по отношению к митрополиту, а не сыном, это является отступлением от традиционного литературного этикета, он повелевает не только «воеводам градным», но и митрополиту, что также является отступлением от этикета. Эти отступления понадобились автору для того, чтобы провести идею единовластия великого князя. Обычно же в исторической повести XV—XVI вв. князь советовался с митрополитом и получал его благословение на все важные дела. Из повести в повесть переходит общая ситуация: князь, узнав о приближении врага, в «смирении» приходит к архиепископу, получает от него благословение и выступает во главе войска на врага. Эти общие ситуации являются не столько отражением реального, сколько представлением о должном, и в подобных случаях, как указывал Д. С. Лихачев, не было стремления «обмануть читателя».¹¹ Для древнерусского писателя было не важно, что митрополит Киприан отсутствовал в Москве во время Куликовской битвы, важно было то, что князю надлежало, по представлению писателя, заручиться поддержкой церкви в лице митрополита. Вот почему фигура Киприана появляется в «Сказании о Мамаевом побоище». Поэтому же редактор Тверской летописи, которая имеет общий протограф с Софийской II летописью (Свод 1518 г.) переделал тот отрывок «Повести о Темир-Аксаке», где идет речь о решении князя перенести икону, добавив слова «поиде вскоре (к митрополиту. — В Г.) <...> и поведе ему свое помышление».¹² Редактора Тверской летописи не смутило то, что произведенные им вставки противоречат реальности. Зато они соответствовали представлению о должном в поведении великого князя.

Такое отступление автора Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» от литературного этикета, касающегося отношений князя и митрополита, подтверждается и характером заимствований из «Повести о нашествии царя Хоздроя на Царьград», в которых в соответствующих фрагментах от имени народа к Богу обращается уже не святитель, как в византийской повести, а московский великий князь. Стремление митрополита Киприана поучать великого князя наталкивается на сопротивление последнего. Это своеобразное соперничество отразилось и на истории текста «Повести о Темир-Аксаке» в редакциях XV—XVI вв. В «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» (XVI в.) представлены уже идеальные отношения великого князя московского и митрополита Киевского и всея Руси, идея перенесения иконы Владимирской Богоматери приходит «Божием помышлением» одновременно тому и другому. Тем самым проводится идея равнозначности церковной и светской власти.

¹¹ См. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 94.

¹² См. Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.) М., 1971. С. 201.